

Рецензируемая монография – важный этап в творчестве В.А. Арутюновой-Фиданян. Ее книга продолжает и развивает ее многолетние исследования, является ценным вкладом в арменистику и византиноведение. Автор обнаруживает новые, неизученные явления и выдвигает ряд гипотез, среди которых наиболее интересны и значимы: концепция синтезной контактной зоны, концепция генезиса и становления ранней православной армянской общины, а также аллологические находки при исследовании “образа Византии” в армянской историографии VII в.

Основным достижением В.А. Арутюновой-Фиданян я считаю раздел, посвященный генезису и характеристикам армянской православной общины VI–VII вв. Выдвинутая автором гипотеза о написании “Повествования” в среде армян-халкидонитов на греческом языке представляется весьма возможной, ибо мы располагаем типологической параллелью: двумя агиографическими сочинениями IX–X вв. на древнегрузинском языке, созданными в среде грузиноязычных армян-халкидонитов⁷. Поэтому игнорирование роли и значения халкидонитства в Армении приводило и приводит к исключению из исторического наследия армянского народа целого ряда литературных культовых памятников, как и некоторых образцов книжной и стенной живописи, особенно в более поздний период (XI–XIII вв.). Проблема истории халкидонитства в Армении – это комплекс вопросов историко-культурного характера, а не догматические споры вокруг естества Христова, как может показаться традиционно настроенному и плохо разбирающемуся в средневековой идеологии критику.

П.М. Мурадян

Избранные новеллы Юстиниана / Вводная статья, перевод и комментарий В.А. Сметанина. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. 340 с.

Работа, название которой звучит несколько необычно для научной публикации, представляет собой перевод тринадцати новелл императора Юстиниана I и серию очерков о проблемах византийской истории и культуры. В данной книге, являющейся результатом многолетней работы профессора В.А. Сметанина, необычным оказывается не только ее название, но отчасти и ее содержание. Прежде всего, автор так и не объяснил принцип отбора “избран-

И, очевидно, в данной связи Р. Бартикян припоминает, что и “Типик” Пакуриана перевел он. Правда заключается в том, что много лет назад Р. Бартикян был назначен научным руководителем В.А. Арутюновой-Фиданян, но дал ей недиссертательную тему, и тему для кандидатской диссертации “Типик Григория Пакуриана” ей предложил я. Участие Р. Бартикяна в подготовке диссертации ограничилось замечаниями по переводу. И спустя три десятилетия после публикации ее книги “Типик Григория Пакуриана” ее бывший научный руководитель заявляет, что он перевел этот источник (хотя и не претендует на исследование). И опять он путается: сначала он говорит, что перевел “Типик” по просьбе В.А. Арутюновой-Фиданян, а через несколько строчек утверждает, что она приватизировала его интеллектуальную собственность без его согласия. У меня есть все основания не доверять словам Р. Бартикяна, поскольку я присутствовал и на защите кандидатской диссертации (1968), и на обсуждении ее книги на заседании Ученого совета Института истории АН Армении (1975). Тогда Р. Бартикян еще не знал, что он перевел “Типик” (кстати сказать, перевода Р. Бартикяна “Типика” на русский язык, во всяком случае изданного, не существует).

Он утверждает также, что я являюсь переводчиком древнеармянских текстов для В.А. Арутюновой-Фиданян и даже будто бы сообщил ему об этом (рец. с. 117), а я никогда не говорил и не мог говорить этого. Все это плод воображения рецензента. Исследовательница – компетентный источниковед, и поэтому переводчик (с древнеармянского или новоармянского) в моем лице ей не нужен. Статья Р. Бартикяна, лишенная не только доказательности, но и добропорядочности, удивительным образом отличается от его прежних работ (так, к примеру, в статье “О византийской аристократической семье Гаврас” он ссылается на “Типик” Григория Пакуриана как на ее исследование, см.: ИФЖ. 1987. № 4. С. 188).

⁷ Мурадян П.М. Два несохранившихся в армянском оригинале агиографических памятника // Вестник Матенадарана. 1977. Т. 12. С. 163–190 (на арм. яз.).

ных” им для перевода и анализа конституций (с. 11). В целом представленные в книге новеллы (приведенные не только полностью, но и в отрывках) посвящены таким важнейшим проблемам ранневизантийской истории, как статус свободного земледельца, система управления, матримониальное право. Выбор именно этих, столь различных среди многих других проблем, также не вполне обычен. Не случайно, наверное, малое количество новелл и затронутых в них вопросов при сравнении с обилием источникового материала и массой проблем юстиниановской эпохи воспринимаются как диссонанс уже самим автором рецензируемой книги. Поиск путей приведения к общему знаменателю разнородного материала, собранного для включения в книгу, с неизбежностью приводит его к признанию необходимости детального исследования всего законодательства Юстиниана Великого. Многократное повторение данного тезиса придает ей оттенок популяризаторства, необычного для научного труда, изобилующего специальными терминами, многие из которых вводятся в оборот впервые. Наконец, не совсем обычен для отечественной историографии и предмет исследования – новеллы Юстиниана, как известно, публикации с подобным названием становились объектом специального изучения вплоть до настоящего времени преимущественно за рубежом¹.

Книга В.А. Сметанина состоит из трех неравных частей, из которых собственно перевод “избранных новелл Юстиниана” составляет, к сожалению, наименьшую. Перевод с греческого выполнен почти безукоризненно: автор давно известен в византистике как знаток греческого языка и стилист². Говоря “почти”, мы имеем в виду не качество перевода, а не вполне обоснованное включение в его текст латинских слов и выражений, которых нет в оригинальном юстиниановском тексте. Так, например, в переводе “институции” (воспользуемся здесь предложенной автором терминологией) Новеллы XII (с. 169) употреблено латинское понятие *regum privatarum*, хотя перевод новеллы осуществлен с греческого и для перевода этих терминов имеется общепринятый русский аналог – “частных (императорских) имуществ”. Далее, при переводах датировок новелл допускаются прямые ошибки, когда вместо предлога “до” используется предлог “от” после обозначения количества дней по отношению к таким календарным ориентирам, как календы, ноны и иды. Наконец, вызывает недоумение излишняя, на наш взгляд, вольность в выборе адекватного русского варианта того или иного греческого термина. Например, считаем неприемлемым перевод выражения “царский город” как “императорский город” (в тексте новеллы – и в латинском, и в греческом – нет слова “императорский”) (с. 174). Обращаем внимание на эти мелкие недочеты, прежде всего потому, что автор запланировал издание перевода всех новелл Юстиниана I (с. 11). Тщательность перевода тем более важна в издании, в котором не приводится оригинальный текст. Несмотря на то что перевод В.А. Сметанина весьма близок к оригиналу, цитирования отдельных слов и выражений подлинника, от чего Сметанин отказался, послужило бы наглядным подтверждением правоты использованных им русских речевых эквивалентов.

Необычный характер композиции рецензируемого труда оправдывает, как кажется, не последовательное описание содержания входящих в него частей, а рассмотрение основных тезисов и гипотез, излагаемых в вводной статье и комментариях.

Основная концепция В.А. Сметанина сводится к следующему. По его мнению, в современной историографии совершенно не отражено истинное значение новелл Юстиниана как исторического источника. Их восприятие в специальной литературе характеризуется односторонностью, тенденциозностью и застарелым консерватизмом (с. 11–12). Исследователи ограничиваются обращением к отдельным новеллам, содержание которых используется в качестве вспомогательного источника при разработке конкретно-исторической тематики. Между тем давно назрела необходимость в создании всеобъемлющего труда, посвященного новеллам Юстиниана и содержащейся в них информации (с. 13). Автор предлагает сосредоточить внимание не только на тексте “новых конституций”, но и на обстоятельствах их появления, так как оно было обусловлено целым комплексом субъективных и объективных условий. К их числу относятся и особая культурно-историческая среда, сформировавшаяся в пределах Византийского государства благодаря устойчивости его политических и социальных

¹ Например: *Lanata G. Legislazione e natura nelle Novelle Giustinianee*. Napoli, 1984; *Puliatti S. Ricerche sulle Novelle di Giustino II. La legislazione imperiale da Giustiniano I a Giustino II*. T. I. Milano, 1984. P. 3–40.

² См., например: *Сметанин В.А. Греческая эпистолография*. Свердловск, 1969; об этом же свидетельствует и глава 15 вводной статьи рецензируемой работы, а также ряд примечаний: с. 86–116, 233–236.

институтов, и “назревшая потребность византийского общества именно в новаторском правовом источнике” (с. 16). К субъективным же факторам создания новелл автор относит как запросы грекоговорящего населения империи, которое ожидало появления законов на понятном ему языке, так и саму личность Юстиниана – “превосходного реализатора идеи новых конституций” (с. 16).

По мнению В.А. Сметанина, новеллы Юстиниана стали символом рождения новой эпохи – эпохи византийского права. Автор приводит и точную дату этого “рождения” – 1 января 529 г. (с. 17)³. Эпоха римского права завершилась с обнародованием трех частей знаменитой компиляции под названием *Corpus Iuris Civilis*; фактом ее опубликования Юстиниан I подвел итог предшествующему развитию права со всеми его достоинствами и недостатками, а уже затем стал вносить серьезные изменения в действующее законодательство, приспособлявая его к новым, средневековым, по сути, условиям жизни (с. 19). Исключительная важность новелл в деле формирования средневекового византийского правового комплекса вкупе с юридическим гением Юстиниана обусловили не только быстроту и успех вхождения ранней Византии в средневековье, но и специфику самого нового законодательства: новеллы (к которым автор их перевода причисляет и так называемые эдикты Юстиниана, и вообще все постановления этого императора и его правительства, с. 21–22) обладают особыми формой и содержанием по сравнению со всеми предшествующими им законодательными актами. “Архитектоника (строение и внутренние связи) новелл заслуживает большего внимания по сравнению с тем, которое уделяет ей современная историография. Анализ каждого из... компонентов дьятаксиса интересен во многих отношениях и углубит наши представления о внутренней форме данного источника и содержании общественных процессов” (с. 23). По мнению В.А. Сметанина, идеальная, т.е.вершенная в соответствии с замыслом ее создателя, новелла состоит из восьми частей, имеющих почти автономное юридическое значение: номер, заголовков (прескрипция), обозначение адресанта (интитуляция), адресат (инскрипция), предисловие (проимий), основная часть, заключение и дата (*datum*) (с. 23). Наибольший интерес вызвали у него предисловия новелл, или проимии, в которых в закодированном виде содержится наиболее важная информация о теоретических установках императорской власти относительно самого законодательства, а также истории и сущности государства и способов его преобразования (с. 28–30)⁴.

Стимулом энергичной преобразующей законотворческой деятельности Юстиниана явилось осознание им несовершенства постклассического права, проявлявшегося, в частности, в противоречивости действовавших правовых норм (с. 37). Разрабатывая новые принципы права, Юстиниан сохранил часть прежних, многие нормы исправил и переработал и, наконец, создал заново массив собственных законов (с. 38–39). Автор рецензируемой книги неоднократно подчеркивает, что законодательная деятельность Юстиниана I носила характер новаторский и обновленческий, осуществлявшийся на основе систематизации и обобщения. Одним из важнейших нововведений Юстиниана в сфере юриспруденции стал принцип “постоянного законодательного процесса”, “непрерывное, живое законодательство, вбирающее в себя актуальные новации, быстро реагирующее на требования жизни ... осуществляемое целенаправленно, не стихийно, с выявлением самых острых, злободневных и жгучих проблем” (с. 41). По-видимому, именно это и следует считать признаком византийского права. Огромный перечень затронутых в новеллах социально-экономических и политических проблем (они перечисляются на с. 43) представлял собой программу нормотворчества не только для Юстиниана Великого, но и для последующих византийских императоров, стремившихся сохранять в стране благоприятный для ее развития правовой климат (с. 48).

Такова основная концепция автора рассматриваемой публикации. Собственно, принципиально нового в ней немного: одно из основных ее положений – о необходимости комплексного изучения новелл как исторического источника периода правления императора Юстиниана. Впрочем, гимн новеллам Юстиниана мог быть менее торжественным. Пропагандируя идею комплексного подхода при анализе данных этого исторического источника, ее автор несколько увлекся формальной стороной дела и допустил множество повторов и необоснованных отклонений от основной линии исследования, задача которого, судя по всему, состояла в

³ Ср., например: *Burgmann L. Die Gesetze der byzantinischen Kaiser // XXe Congrès International des Études Byzantines. Pré-actes. T. I. Séances plénières. P., 2001. P. 167–170.*

⁴ Ср.: *Hunger H. Proömion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964.*

выявления скрытых до настоящего времени сторон, граней и черт “новых конституций”. По-видимому, автор абсолютизировал значение источниковедческой части своей работы. Изучение новелл возможно, по нашему мнению, лишь при условии соблюдения комплексного подхода к эпохе Юстиниана вообще: необходимы анализ тенденций предшествующего развития позднеантичного государства и исследование постюстиниановской эпохи, привлечение всех относящихся к теме источников, а также учет знаний, накопленных современной наукой. Все внимание автора поглощено рассматриваемым им источником – его структурой, орфографией, терминологией. Выводы, относящиеся к новеллам как источнику, выглядят в работе В.А. Сметанина наиболее убедительно. Полагаем поэтому, что его основная концепция выиграла бы, если бы автор отказался от рассуждений по поводу “правового гения” Юстиниана, этапов развития средневекового византийского права, проблемы перехода Византии от античности к средневековью и тому подобных сюжетов, которые могут составить предмет специального рассмотрения за пределами источниковедческого труда⁵.

Что касается ряда упомянутых тезисов и гипотез В.А. Сметанина неисточниковедческого характера, то, предлагая их на суд гуманитариев (как сказано в аннотации к изданию), он демонстрирует неограниченные возможности, которые открывает перед исследователем историческое содержание новелл Юстиниана. Во вводной статье автора, кроме методологических установок, присутствуют примеры практического применения новой методики и нового подхода к изучению новелл. Автор, в частности, предлагает собственное решение некоторых важных вопросов истории Византии, подвергая переоценке отдельные общепризнанные в науке положения на основе данных из новелл Юстиниана. Рассмотрим некоторые примеры.

Во-первых, В.А. Сметанин выдвигает свою гипотезу начала средневековой эпохи в Европе. Он полагает, что “лишь византийский вариант общественной эволюции от античности к средневековью может рассматриваться в качестве классического” (с. 55–56). Основание для этого утверждения – отсутствие цезуры в общественной эволюции и, напротив, наличие в ней важнейших, органически сложившихся внутри византийского общества “протофеодалных элементов” (например, частной собственности земледельца на обрабатываемый им земельный участок). Автор данной гипотезы фактически предлагает передать звание “страны классического западноевропейского феодализма” от Франции Византии.

Во-вторых, В.А. Сметанин полагает, что позднеантичные колонны превратились в VI в. непосредственно в георгов. Он убежден в неустойчивости социально-правового статуса ранневизантийского колона, главной отличительной чертой которого было отсутствие собственного земельного участка и, как следствие этого, прикрепление колона к чьей-нибудь земле при сохранении личной свободы прикрепленного земледельца. Приобретение колонами земли в собственность влекло за собою повышение их статуса (с. 58–59). В новеллах Юстиниана обнаруживаются два обстоятельства, связанные с судьбой колоната: колонны стали в их большинстве превращаться в свободных мелких землевладельцев (с. 63–65), и правительство Юстиниана поддерживало этот процесс расширения слоя георгов, законодательно препятствуя захвату их земли крупными землевладельцами (с. 65). Усилия Юстиниана в данной сфере поземельных отношений привели к появлению особой отрасли права, посвященного исключительно свободным земледельцам и подготовившего уже в VI в. условия для создания сборника, известного под названием “Земледельческий закон” (с. 66).

В-третьих, В.А. Сметанин предлагает свою теорию возникновения в VI в. так называемого среднегреческого языка. Император Юстиниан I, стремившийся к тому, чтобы изданные им конституции были понятны наибольшему числу его подданных, сделал правилом использования при написании новелл существовавшей тогда “народной” разновидности греческого языка, понятную большинству жителей империи. Тем самым он санкционировал не только превращение тогдашней “димотики” в язык официального общения, но также изучение и преподавание этой формы греческого языка, а следовательно, и быстрое оформление среднегреческого языка в качестве официального византийского (с. 112).

В-четвертых, В.А. Сметанин сформулировал тезис о возникновении “симфонии священства и царственности” уже в эпоху Юстиниана Великого. Этот император необычайно возвысил авторитет ортодоксальной церкви до уровня императорской власти, реорганизовав тем

⁵ По поводу рубежа между античностью и средневековьем см., например: Курбатов Г.Л. Ранняя Византия IV–VII вв. – позднеантичное общество? // Вестник СПбГУ. 1946. Сер. 2. Вып. 2. С. 3–20.

самым духовную сферу жизни Византийской империи и поставив церковь на службу государству (с. 154–155, 259)⁶.

В-пятых, наконец, в книге В.А. Сметанина высказан “тезис о Юстиниане как первом законодателе-гуманисте средневекового времени” (с. 274). Этот тезис основывается на обилии в законодательстве Юстиниана I выражений, подчеркивающих “гуманную” направленность деятельности императора.

В целом отмеченным научным взглядам и гипотезам, содержащимся в книге В.А. Сметанина, присущи смелость и оригинальность. Будучи, однако, человеком увлеченным, автор не всегда уделяет достаточно места аргументации, в результате чего многие из его положений на поверку не выдерживают критики. Приведенные выше гипотезы и тезисы автора как раз и принадлежат к числу таковых. Рассмотрим для примера один из наиболее важных тезисов – гипотезу о превращении колонатов в георгов. Чтобы показать ошибочность существующих взглядов на судьбу колоната в ранневизантийский период, необходимо, как минимум, представить анализ современной историографии о колонатах, имеющей богатую традицию, выходящую далеко за пределы тех списков библиографии, которые приведены Сметаниным (с. 159). Возможно, проблема эволюции колонатных отношений в VI в. еще не может считаться разрешенной окончательно, но уже предпринимавшиеся попытки решить ее в большинстве своем были гораздо более основательными и опирались, кроме прочего, и на материал юстиниановского законодательства⁷. В рассуждениях В.А. Сметанина есть некое рациональное зерно, однако оно представляет собой не столько обоснованный вывод, сколько предложенный автором метод – более полного учета данных новелл. Приведенные В.А. Сметаниным доказательства состоят в следующем: «Конституции 32–34 свидетельствуют о том, что в Византийской империи начиная с 535 г. появляется довольно значительный слой “георгов”...»; «Но если “георги” серьезно заявили о себе, начиная с 535 г., то можно сделать вывод, что на смену колонатам приходят георги» (с. 65). При этом столь незамысловатые доводы опираются на некорректно отобранный материал источника. Дело в том, что пресловутые “георги” упоминаются только в Новелле XXXII и необходимо еще доказать, что эти *agricoli* суть свободные мелкие землевладельцы! (ср. с. 168 указанного сочинения А.В. Коптева); в Новелле XXXIII о земледельцах речь не идет вовсе, а в Новелле XXXIV говорится только о колонатах. Авторская версия о появлении средневековых земледельцев-общинников в VI в. базируется, таким образом, только на вольной интерпретации нескольких произвольно отобранных (“избранных”) конституций без учета традиций, тенденций и возможностей развития позднеантичного социального строя. Приблизительно таким же образом обстоят дела и с остальными названными выше гипотезами. Все они, по сути, являют собой пример недостаточно аргументированных попыток пересмотреть утвердившиеся в историографии положения. Такого рода пересмотр должен осуществляться осторожно на фоне глубокого критического анализа трудов предшественников, тогда как в книге В.А. Сметанина этот анализ предстает в виде соответствующим образом оформленного научного ритуала.

Вместе с тем в рецензируемой книге имеется ряд положений и выводов, которые необходимо признать достаточно обоснованными и оригинальными, вносящими новый вклад в освещение эпохи Юстиниана (которая, по справедливому замечанию автора работы, еще слабо изучена). Обоснованным и перспективным можно считать предложение об исследовании эпитетов византийских городов и самого Константинополя как терминов, отражающих официальный взгляд на столицу государства (с. 277–278), а также предложение создать обобщающий труд по истории правления Юстиниана I с перечнем вопросов, требующих первоочередного исследования (с. 245–246). К числу рекомендаций автора следует отнести такие практически полезные советы, как, например, “новый вариант фиксации сноски” на определенную новеллу (с. 10), а также переход на транслитерацию греческой лексики, “адекватную современному греческому произношению”, в целях унификации и удобства ее использования в научной работе (с. 91, 114).

Наконец, нельзя не отметить и собственного вклада профессора В.А. Сметанина (специалиста по поздневизантийскому периоду) в изучение истории ранней Византии. О его ценном переводе нескольких новелл и их фрагментов (например, Новеллы III на с. 46–47 и 124–126 или Новеллы VII на с. 141–144); немаловажное значение, как говорилось, имеют планы авто-

⁶ Ср.: *Dagron G. Empereur et prêtre. Étude sur le césaropapisme byzantin. P., 1996. P. 20–26.*

⁷ Одна из значительных последних работ: *Коптев А.В. От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда, 1995.* В ней имеется и обширный историографический анализ.

ра осуществить перевод и опубликование всех новелл (с. 11), что, без сомнения, даст толчок отечественному изучению периода правления императора Юстиниана и его предшественников и преемников (возможно, это снимет и многие критические замечания по поводу комментария к “избранным новеллам”). Сам В.А. Сметанин обозначил в небольшой по объему работе максимальное число возможных направлений и тем, которые требуют переосмысления вследствие глубокого анализа всего правового наследия эпохи Юстиниана. Автор рецензируемого труда успешно осуществил разработку некоторых тем, до того весьма слабо или вовсе не затронутых в историографии (например, характер брачного права византийцев, с. 286–289, 292–297; причины феномена уменьшения количества юстиниановских новелл после 539 г., с. 41–42 и др.). Он предпринял и ряд почти автономных по отношению к основной идее издания исследований (мы имеем в виду трактат о развитии греческого языка на протяжении нескольких тысячелетий, с. 95–114; экскурс о топосах, с. 246–256 и др.).

В целом труд В.А. Сметанина может быть оценен однозначно. Рецензируемая работа необычна и по содержанию, и по композиции. Поверхностное знакомство способно породить впечатление об эклектичности и незавершенности, которое усиливается из-за немалого количества досадных опечаток в тексте. Однако внимательное чтение книги В.А. Сметанина формирует осознание правоты позиции и настойчивого стремления автора осветить по возможности наибольшее число неясных проблем юстиниановской эпохи. В связи с этим мы считаем данную публикацию “Избранных новелл Юстиниана” введением к будущему капитальному труду профессора В.А. Сметанина и надеяться на его скорый выход в свет.

В.В. Серов

Š a n d r o v s k a j a V.S., S e i b t W. unter Mitarbeit von N. Seibt. Byzantinische Bleisiegel der Staatlichen Eremitage mit Familiennamen. T. 1: Sammlung Lichačev–Namen von A bis I. Wien. 2005. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. T. 2: Byzantine Seals with Family Names / Ed. I. Jordanov. Sofia, 2006.

Просопографические штудии уже давно стали неотъемлемой частью византийских исследований. К настоящему времени опубликовано достаточно много работ как общего характера, так и частных, посвященных истории отдельных византийских родов. Неоценимым источником для подобных исследований служит сфрагистический материал. В этой связи крайне интересны недавние издания первой части каталога печатей с фамильными именами из собрания Государственного Эрмитажа (авторы – В.С. Шандровская и В. Зайбт, при участии Н. Зайбт) и второго тома корпуса византийских печатей из Болгарии, посвященного печатям с родовыми именами (автор И. Иорданов).

Высокая научная ценность работ очевидна: 102 печати рассмотрены в первом каталоге и 767 – во втором, причем многие из них опубликованы впервые. Изданные моливдовулы относятся в основном к концу X–XII в., т.е. к промежутку между моментом появлением родовых имен в Византии и началом угасания византийской сфрагистики, как таковой. Хронологические параметры болгарского материала дополнительно обусловлены тем, что именно в это время (с 1018 по 1187 г.) Болгария входила в состав Византийской империи.

Информативность византийских печатей весьма различна. Если частные печати, а их большинство в эрмитажном каталоге, несут на себе лишь имя и патроним владельца, реже его титул, то информация официальных печатей более полна: наряду с занимаемой должностью (должностями) часто указывается место службы собственника печати. Они преобладают в болгарском издании.

Следует отметить, что эрмитажные печати, происходящие из коллекции Н.П. Лихачева, беспаспортны, как и многие другие, входящие в сфрагистические коллекции государственных музеев (Дамбартон Оакса, Британского музея, Нумизматического музея Афин и пр.). Несомненное преимущество каталога И. Иорданова состоит в том, что места находок многих болгарских печатей достаточно точно локализируются, относительно других (это, к примеру, касается большой частной коллекции В. Пантелеева в Варне) известно лишь, что они найдены на территории Болгарии. Определенность происхождения моливдовулов позволяет автору ставить (и во многих случаях успешно решать!) сложнейшую задачу установления места и роли владельца печа-